

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2011

Иллюстрации: Юлия Хоменко (Yuriko88)

[Рассказ написан на конкурс «Проект 100»](#)

Гончие Дартмура

Начало плавания для англичан было многообещающим. Покинув Альбион в конце лета, эскадра в двадцать два вымпела направилась в годичный рейд по испанским владениям. Их целью должны были стать удаленные гавани, корабли вражеского флота и, в конце плавания, главный приз: богатая и процветающая Панама. Команда пребывала в приподнятом настроении — никто не сомневался, что два десятка кораблей под командованием Железного Пирата легко справятся с поставленной задачей.

Первой целью эскадры должен был стать остров Гран-Канария. Флагман вместе с шестью галеонами беспрепятственно вошел в бухту испанской колонии. Суда противника были застигнуты врасплох, английские ядра изорвали наспех поднятые паруса и поломали мачты. Обездвиженным испанцам оставалось только безуспешно отстреливаться, в то время как подоспевшие транспорты начали высаживать солдат.

С другой стороны острова доносилась непрерывная канонада — пятнадцать английских кораблей обстреливали береговые укрепления. Теперь успех боя зависел от того, насколько быстро высадившиеся на остров солдаты смогут овладеть фортом. Возглавляющий эскадру адмирал присоединился к десанту. Предполагалось, что вид легендарного Железного Пирата вселит в людей отвагу.

На этом везение англичан закончилось. Не успели солдаты миновать половину пути до стен форта, как утреннее небо окрасилось разноцветными сполохами. Из-за черных облаков вынырнула кавалькада всадников и с диким воем понеслась к земле. Все это походило на веселую охоту, за исключением того, что на лошадях мчались неупокоенные мертвецы и скелеты. Впереди ревущей процессии скакал пегий конь с пустым седлом.

Это наваждение напугало людей, но последним ударом стала реакция адмирала. Известный своей отвагой престарелый морской волк

побледнел, перекрестился и на шлюпке вернулся на корабль. Боевой дух солдат оказался подорван, и атака захлебнулась.

С того дня удача отвернулась от англичан. Те порты, которые должны были стать легкой добычей на пути к Панаме, оказались хорошо укрепленными и готовыми к нападению. В конце месяца эскадра достигла безопасного острова Гваделупа, где можно было пополнить припасы, но адмирал снова совершил необъяснимый поступок и запретил подходить к суше. В тот же день два барка отстали от эскадры, и их тотчас настигли испанские корабли. Пришлось разворачиваться и отбивать своих. Во время морского сражения небо вновь покраснело, и Гран-Канарское наваждение вернулось: скелеты, трубя в охотничьи рога и стуча костями, промчались над горящими кораблями. Снизившись до воды, призрачные всадники приготовили гарпуны с тонкими блестящими линиями. Они бросали их туда, где тонули моряки. При виде жуткого наваждения адмирал укрылся в своей каюте. Команда флагмана растерялась, из-за чего испанцы смогли ускользнуть и предупредить свои колонии о близости противника.

Странное поведение адмирала объясняли его болезнью. Первый приступ лихорадки настиг его сразу после бегства с Гран-Канарии, но Железный Пират не желал оставить свой пост. Однако болезнь не отпускала, приступы учащались, и к концу года командующий слег окончательно. Лицо бывшего приватера блестело от пота, его губы шептали что-то неразборчивое. На следующий день после того, как адмирал был признан неспособным командовать эскадрой, экипаж флагмана собрался на палубе, чтобы обсудить неутешительные новости. Старший помощник капитана пересказывал подслушанный прошлым вечером в каюте адмирала разговор:

— Он сказал, что у Господа много средств, чтобы спасти нас. И приказал повесить штурмана.

— Что?! — рявкнул боцман. — Да это ж чистое безумие!

— Успокойся, никто не собирается принимать бред за приказ, — сказал старший помощник.

— То-то штурман ходит как в воду опущенный. Старик хоть сказал, почему повесить?

— Говорит, штурман ошибся на двадцать дней. Дескать, мы были у Гран-Канарии в ночь с тридцатого октября на первое ноября, когда он командовал десантом и первый раз появились небесные всадники.

— Это невозможно. Как можно ошибиться на двадцать дней, если идешь во главе флотилии? — сказал боцман. — Мы потеряли барк в конце октября, тогда Охота появилась во второй раз. Или он не помнит?

— Тише, старик не в себе, — прервал его старший помощник. — Ты же знаешь, как он суеверен. Даже приказал подавать себе еду только в серебряной посуде.

— Кто угодно испугался бы при виде той чертовщины, — отозвался португальский протестант, который временно исполнял обязанности канонира. — Мадонна, да я сам чуть в штаны не наложил от страха! Что это был за ужас?

— Дикая Охота, — сказал боцман.

— Что еще за охота? Первый раз слышу.

— Говорят, сам дьявол ездит верхом и собирает души грешников.

Команда дружно перекрестилась.

— Там, откуда я родом, говорят, что во главе охоты скачет король Артур, — добавил старший помощник. — Я слышал людей, которые думают, что на самом деле это его сын Мордред. Или какой-то языческий демон...

Португалец выругался и сплюнул за борт.

— Эй-эй, еще раз так сделаешь — следом туда полетишь, — пригрозил боцман.

Они стали ругаться и позабыли про предмет своего разговора. А в это время в чреве корабля, тихо страдая на койке, умирал престарелый адмирал. Он выкрикивал путанные приказы, звал давно умерших людей и проваливался в воспоминания.

Адмирал чувствовал, как раскачивается под ним палуба, как у него в ушах ритмично стучит кровь. Старый пират знал эту мелодию, так звучал Хорнпайп, танец моряков. Бум-бум-бум! «Прощайте женщины Испании!» Бум-бум-бум! «До скорого свидания, испанские дамы. Мы получили приказ возвращаться в старую добрую Англию, но мы надеемся на скорую встречу с вами!». Бум-бум-бум... “Farewell and adieu to you, ladies of Spain”.

Всю свою жизнь он провел на борту корабля, на качающейся, скрипящей палубе. Он любил штиль и шквал, бурю и бриз. Только в открытом море он был по-настоящему свободен. Адмирал даже завещал похоронить себя на морском дне в свинцовом гробу. Для простых моряков не было горше участи, чем отправиться кормить крабов, но Железный Пират запретил, чтобы эскадра приближалась к земле. Как будто боялся, что его похоронят по-христиански. Ведь в том, что старик умрет, не сомневался никто. Скорая кончина адмирала была столь же очевидной, как и полный провал его последнего плавания. Это обстоятельство было единственным, что удерживало Железного Пирата на этом свете. Он не мог уйти, вкусив горечь поражения, он не мог во второй раз подвести Королеву.

Он помнил лицо Елизаветы в тот день, когда она встретила его после провала экспедиции в Португалии. Королева улыбалась и была как всегда приветлива и ласкова с ним, но ее глаза были полны разочарования. Адмирал поклялся, что искупит свою ошибку. Ради славы, ради Англии, ради самой прекрасной женщины на свете.

Сегодня адмирал твердо решил пересилить болезнь, встать на ноги и повести флотилию к Панаме. Он долго собирался с силами, затем, кряхтя, сел на постели и огляделся. В противоположном углу каюты, на мягком стуле сидела женщина. У старого моряка все плыло перед глазами, но фигура гостыи была четкой и светлой, как икона. Сначала приватир подумал, что перед ним Елизавета — женщина, которую он безответно любил и которой служил всю свою жизнь. Адмирал склонил голову и пробормотал:

— Ваше величество...

Гостыя грациозно поднялась и приблизилась к кровати больного. Когда ее лицо оказалось совсем близко, он понял свою ошибку. Хотя женщина в белом и двигалась с королевской грацией, это была не Елизавета Глориана. Однако ее лицо было откуда-то знакомо старику.

— Отдохни, Фрэнки, — она заставила больного лечь. — Ты хорошо поработал и заслужил немного отдыха.

— Кто вы? — спросил адмирал.

Он чувствовал, что знает свою гостыю очень давно. Ее облик пробуждал в памяти тревожные образы из далекого прошлого. Она была частью воспоминаний, к которым он приказал себе никогда не возвращаться.

Женщина склонилась над ним и грустно улыбнулась.

— Я осень, я багровое заходящее солнце, я костер, на котором жгут облетевшую листву. Я твоя золотая лань.

Адмирал часто задышал, его лицо покрылось бисеринками пота. Он вспомнил.

Дартмур, что в графстве Девоншир, на юго-западе Англии, славится своими болотами. Унылый пейзаж этого края целиком состоит из бурых

заболоченных низин, разделенных гранитными взгорьями. Всякий, кто путешествует по Дартмуру, рискует заразиться его меланхолией. Кажется, что время здесь остановило свой бег. Веками лежат под пасмурным небом плоские серые каменные плиты, окруженные вечнозелеными травами, и рычат торфяными извержениями знаменитые болота. Сложно представить, но когда-то Дартмур был совсем другим. Давным-давно на месте торфяников рос дубовый лес. Столетние деревья переплетались ветвями так плотно, что ни лучика света не попадало на их корни.

Восемь тысяч лет назад в Дартмур пришли первые люди. Это были простодушные дикари в звериных шкурах, перекликавшиеся грубыми гортанными голосами. Они начали копать землянки и лепить посуду, они принесли с собой лук и стрелы, каменные топоры и огонь. Люди не боялись древнего мрачного леса, год за годом, столетие за столетием они отвоевывали у него землю. Но даже бесстрашные пришельцы не отважились вырубить сердце чащи, которое состояло почти целиком из черных невысоких корявых дубов. Они называли его Вистманским лесом и старались держаться от него подальше. В своих легендах люди рассказывали о том, что в лесу живет волшебный народ, предшественники человека. Ночью заблудившиеся путники видели блуждающие между деревьями огни и слышали странные звуки.

Когда весь Дартмур превратился в заболоченную топь, Вистманский лес по-прежнему стоял, молчаливо напоминая о прошлом этого мрачного края. Таинственная слава колдовской чащи служила надежной приманкой для детей с окрестных ферм. Несмотря на опасность серьезного наказания, девонширские мальчишки испытывали свою храбрость, соревнуясь, кто дальше сможет забежать в темную чащу. Однажды на опушке собралась целая ватага. Не меньше десятка детей возрастом от пяти до двенадцати лет о чем-то громко спорили.

— Признайся, Фрэнки, ты все придумал, — твердый голос старшего мальчика перекрыл нестройный гул, — на самом деле ты ничего не видел.

— Я не вру, — насупившийся малыш сложил руки на груди. — Кто не боится, тому могу показать. И поляну, и цветы, и золотую лань.

— Ты знаешь, что никто не согласится — вот и храбришься.

— Значит, вы трусы, — отрезал светловолосый мальчик.

Ему надоело выслушивать оскорбления, и он твердо решил поделиться с миром своим открытием. Он боялся только того, что другие дети не смогут увидеть поляну, как не могут слышать лесное пение. Тихое, мелодичное и непрерывное, как журчание ручейка, оно доносилось из чащи и манило за собой. Один Фрэнки слышал его. Мальчик не мог разобрать слов, но понимал их смысл: древние дубы пели о приходе осени, о кружащих на ветру желтых листьях и том, как скоротечна жизнь человека. Другие дети смеялись над ним, они не могли слышать голоса Вистманского леса.

— А кто не трус, пусть идет со мной, — предложил Фрэнки.

— Не хочу в лес, нам и так попадет!

— Там чудовища, они едят детей.

— Не хочу-у-у...

Старший мальчишка снова приструнил расшумевшуюся детвору.

— Помолчите, — приказал он, — я пойду с Фрэнки. Кто еще не боится?

Нашлось еще несколько желающих увидеть чудесную золотую лань.

— Бегите за мной, — сказал им Фрэнки. — Нужно добежать до поляны, там не страшно. Если задержитесь где-то, то сразу испугаетесь и вернетесь. Готовы?

Дети закивали.

— За мной! — крикнул мальчик и нырнул под навес древесных крон.

Остальные, чуть замешкавшись, последовали за ним. Маленький Фрэнки ловко прыгал через корни, руками раздвигал кустарник и обходил бурелом. То и дело он оглядывался, чтобы убедиться, что остальные дети следуют за ним. Сначала их было семеро, потом один отстал, испугался и с плачем побежал назад к опушке. Еще двое повернули, когда пришлось перебираться через ручей по скользкому поваленному стволу. Трех испугал вид бледных грибов, которыми ближе к сердцу леса была покрыта вся свободная ото мха и папоротника земля. Когда в темной чаще появились блуждающие огоньки, остались только Фрэнки и старший мальчишка Джо. Когда дети начали задыхаться и выбиваться из сил, наконец-то показалась обещанная поляна. Это было ровное море яркой изумрудной травы, в котором сияли, как драгоценные камни, яркие цветы. Посреди поляны стояла каменная чаша на высокой тонкой ножке. Свет заходящего солнца отражался в собравшейся в ней дождевой воде.

— Посмотри, Джо, — указал на чашу Фрэнки, — золотая лань всегда появляется там. Джо?..

Мальчик обернулся и понял, что остался один. Только вдалеке было слышно, как хрустят ветки под ногами убегающего ребенка. Слушая, как убегает последний из товарищей, Фрэнки торжествовал. Старший из сыновей фермера Эдмунда, он привык быть лидером и ничего не бояться. Сегодня мальчик не только доказал свою правоту, но и оказался самым смелым из детей Девоншира. Можно было с высоко поднятой головой возвращаться домой, но Фрэнки решил напоследок посмотреть на золотую лань.

Он нашел поляну месяц назад, когда впервые пересилил свой страх и решил отыскать источник волшебного пения. Фрэнки не любил Дартмур, он пресытился безрадостным пейзажем и мрачными красками родины. Всю свою короткую жизнь мальчик мечтал о том, чтобы покинуть дом и отправиться в странствия, увидеть своими глазами дальние края, о

которых слышал из сказок и рассказов моряков. Но пока единственным доступным ему чудом был Вистманский лес, открывший перед ребенком свои тайны. Фрэнки прислонился спиной к стволу ближайшего дуба и незаметно провалился в глубокий сон.

Когда мальчик проснулся, стояла глубокая ночь. Небо над поляной было наполнено звездами, а прямо в центре зависла луна, отражение которой колыхалось в каменной чаше. Фрэнки вспомнил, что сегодня была ночь с тридцать первого октября на первое ноября. Канун праздника Всех Святых. Золотая лань уже появилась. Диковинное животное гуляло по поляне, не чувствуя присутствия человека. Когда лес начинал шуршать ветвями и опавшими листьями, лань поднимала свою изящную, лишенную рогов голову и прислушивалась.

Мальчик неподвижно сидел в своем убежище и старался навсегда запечатлеть в памяти каждое мгновение этой ночи. Обойдя поляну, лань подошла к каменной чаше, поднялась на задние лапы и принялась пить собравшуюся там воду. Внезапно ее окутал слепящий свет. Фрэнки зажмурился, а когда он открыл глаза, на месте лани стояла женщина. У нее была жемчужно-белая кожа, длинные черные волосы и сверкающие, как изумруды, зеленые глаза. Она была одета в белые ниспадающие одежды, единственным ее украшением была тяжелая связка золотых ключей, висящая на поясе. Мягкие черты лица женщины светились грустной красотой. Мальчик ущипнул себя за щеку, чтобы проверить, не спит ли он. Фрэнки бегал к сердцу леса уже не меньше недели, но впервые видел произошедшее с ланью чудесное преобразование.

Живущий под деревьями мрак сгустился. Он стал расти, изгибаться, из него вышли фигуры. Как пуповинами они были связаны с темнотой леса тонкими полосами своих теней. Это были мужчины самого разного облика. В тяжелых рыцарских латах, в кольчугах, в ниспадающих просторных одеждах и свалывшихся медвежьих шкурах. Все были

воинами, но их оружие разнилось от простого каменного кистеня до тонкой, как луч света, рапиры. Один за другим, они опускались на колени перед своей госпожой. У всех таинственных гостей были мерцающие голубые глаза и бледные раздувшиеся лица. Многих уродовали глубокие раны и вмятины на доспехах, запекшаяся кровь или следы пыток на изувеченных конечностях. Все воины носили железные ошейники, каждый держал руки лодочкой, набрав в них пригоршню воды.

Несмотря на ужасный облик пришельцев, Фрэнки не чувствовал страха. Он с любопытством наблюдал, как ожившие мертвецы один за другим поднимаются с колен и выплескивают из своих рук воду в каменную чашу. Мальчик начал считать жутких гостей и установил, что их было девяносто восемь. Когда последний из них развел над чашей руки, женщина в белом впервые нарушила гнетущее молчание:

— Где Финн? — ледяным голосом спросила она.

По рядам мертвых воинов прошла дрожь. Они переглядывались, хотели ответить, но не могли. Фрэнки заметил, что у всех кроме одного воина в золотых доспехах были защиты рта. Тот сделал шаг вперед, перекинул через плечо длинный пышный алый плюмаж и сказал:

— Моя госпожа, Финна Мак Кумала среди охотников нет.

— Почему?

— Я не знаю, моя госпожа. Последний раз его Охоту видели рядом с грозовым фронтом над океаном.

Красавица уперла в бедро стиснутый кулак и резко вздернула голову.

— Иными словами, беловолосый решил сбежать. Почему вы все еще здесь? Почему не преследуете изменника?

Неукопленные ответили нестройным гулом. Никто из них не спешил исполнить приказ своей госпожи.

— Простите мою дерзость, — сказал золотой воин, — но Финн Мак Кумал устал, он был одной из первых гончих. Возможно, настало его время отойти на покой?

— Я знаю, чего хочет Финн, — ответила красавица. — Как и многие из вас, он родился в иных краях и тоскует по ним. Но его, как и всех вас, призвал Вистманский лес. Эстадея!

Фрэнки понял, что женщина назвала имя воина в шлеме с красным плюмажем.

— Как Дикая Охота выбрала тебя своим голосом, так и я говорю устами Дартмура. Он отвечает на твой вопрос: у Дикой Охоты должно быть сто королей. Не больше, но и не меньше. Сто героев, которых не сможет удержать холод могилы, которых не обратит в прах погребальный костер. Всем вам был дан выбор: исчезнуть или стать гончими Дартмура. Все вы по своей воле нашли его сердце, все вы выпили воду из лунной чаши.

Золотой воин склонил голову, признавая ее правоту.

— Финн может быть быстрым и хитрым, но он не сбежит. Стах!

Она указала на стоящего в задних рядах худощавого мужчину, голову которого венчала железная корона.

— Ты тоже прятался от меня, но нельзя убежать от тени Луны. Я приказываю тебе вернуть предателя.

Стах поклонился, и на поляну выбежал огромный бледный конь. Мужчина оседлал его, и тот тотчас взлетел. Поднимаясь все выше к звездному небу, он притягивал к себе других, возникающих из ночи всадников. В отличие от собравшихся на поляне королей, это были челядинцы-скелеты. Они стучали костями, заливисто смеялись и выли. Описав над поляной круг, зловещая процессия направилась на восток.

Мальчик решил, что увидел достаточно. Он чувствовал, что стал свидетелем чего-то запретного, и это знание не принесет ему ничего

хорошего. Фрэнки пошевелился, чтобы незаметно отползти в чашу, но при этом неудачно зацепил предательски хрустнувшую ветку. Мертвецы тотчас уставились на него холодными синими глазами.

— Эстадея, приведи ко мне нашего гостя, — приказала женщина.

Золотой воин кивнул и направился к тому месту, откуда за происходящим наблюдал Фрэнки. Мальчик хотел убежать, но внезапно подступивший холод сковал его по рукам и ногам. Ледяная рука опустилась на плечо мальчика, Эстадея легко поднял его и вывел к своей госпоже.

Мертвецы заволновались, охватившая их радость удивила Фрэнки. Он не понимал причину их молчаливого восторга. Эстадея подвел фермерского сына к женщине-лани.

— Добро пожаловать, — улыбнулась белая красавица. — Я давно заметила тебя, но откладывала нашу встречу до ночи, когда умирает осень и начинается зима, а все короли Дикой Охоты собираются в Вистманском лесу, чтобы наполнить лунную чашу. Ты самый младший из тех, кто слышал зов Дартмура. Другие подчинились ему, лишь пролив чужую кровь или почувствовав власть. Они приходили ко мне убийцами и королями, преступниками и героями. Всех их привел ко мне страх перед смертью, они не хотели исчезнуть и предпочли стать гончими.

Женщина-лань вернулась к центру поляны. В ее руках возник хрустальный кубок, который красавица наполнила в чаше.

— Ты отличаешься от них тем, что тобой движет не страх, а любопытство. Оно привело тебя в сердце Дартмура и поведет еще дальше, за горизонт, куда уходит умирать солнце. Я знаю, чего ты хочешь больше всего на свете: оторваться от земли и побывать там, где еще не ступала нога человека.

— Выпей, — красавица протянула Фрэнки кубок. — Если не хочешь исчезнуть, если хочешь вечно странствовать вместе с ветром. Выпей, потому что ты достоин быть частью нашей охоты.

Фрэнки принял тяжелый ледяной кубок. В нем отражалось звездное небо и серебряный диск луны, дубы Вистманского леса, белый песок, волнующееся море, диковинные деревья неведомых краев, острые скалы и красное заходящее солнце.

«Вечно странствовать с ветром...»

Мальчик послушно поднес кубок к губам. Вода была прохладной, соленой, отдающей запахом дыма и горящих осенних листьев. Пока он пил, она становилась густой и вязкой, в ней появился привкус железа. Красное заходящее солнце вытеснило цвета других отражений: и море, и небо, и острова, и кричащих чаек. Тогда Фрэнки выронил кубок, он понял, что вода превратилась в кровь.

— Через сто дней после того, как ты вновь увидишь Дикую Охоту, ты присоединишься к гончим Дартмура, — произнесла золотая лань.

Послышался протяжный, ликующий вой. Фрэнки поднял голову и увидел спускающуюся кавалькаду всадников. Впереди на огромном бледном коне скакал ее коронованный предводитель. Вместе с ним седло делил седовласый старец в истлевших лохмотьях. Его губы были зашиты, шею обхватывал железный ошейник, а синие глаза были полны непередаваемой тоски. И тогда, впервые за эту ночь, маленький Фрэнки почувствовал страх.

...Его нашли утром, у опушки леса. Мальчика сковал колдовской сон, который продолжался три дня. Когда он, наконец, проснулся, то долго и неподвижно лежал в темноте, на маленькой кровати. Горло как будто доверху наполнили песком, а веки так отяжелели, что поднять их было

почти невозможно. Фрэнки лежал и слушал приглушенные голоса в соседней комнате, где его родители совещались со священником.

— Никогда больше не отпускайте его в лес, — приказал священник, — повесьте над дверями и окнами чеснок и полынь. Но лучшей защитой будет проточная вода.

Когда он ушел, женщина отвела мужа в общую комнату и сказала:

— Ты все равно хотел уехать, Эдмунд. Прошу, давай уедем подальше от этих проклятых мест. Я не хочу потерять Фрэнки, он самый старший из моих детей и я люблю его больше всех.

Отец был непреклонен, он и слушать не хотел о том, чтобы бросить родные края из-за суеверных страхов. По странному стечению обстоятельств в том же году в Дартмуре вспыхнуло восстание против англиканской церкви. Семья фермера Эдмунда бежала вместе с другими убежденными протестантами. Спустя некоторое время Фрэнки поправился и устроился юнгой на торговый корабль. Мальчик редко ступал на землю, и никогда — в конце октября.

Он не изменил своих привычек и после того, как стал капитаном собственного судна. И во время первых успешных пиратских рейдов в Новом Свете, и во время кругосветного путешествия над дверью его каюты висели чеснок и полынь. И даже когда меч в руках королевы коснулся его плеча — он все равно оставался суеверным сыном фермера из Дартмура.

— Я помню тебя, — прошептали дрожащие губы адмирала.

— Ты заставил себя забыть причину своего страха, но страх оставался с тобой. Для людей ты был Железным Пиратом, но в твоей душе всегда жило воспоминание о Дикой Охоте.

Мужчина заметался на постели, затряс головой и попытался отогнать от себя непрощенную гостью. Он не боялся опасностей или

страданий, не раз он смеялся смерти в лицо и выходил победителем из неравной схватки. Единственным, чем он дорожил и чего страшился лишиться, была его свобода. Фрэнки помнил непередаваемую тоску в глазах Финна и почтительность, с которой кланялись мертвецы. Каким глупцом он был! Даже ребенок должен был догадаться, что ценой бессмертия была вечная верная служба белой госпоже. Теперь она пришла, явилась раньше срока, чтобы забрать его и лишить последней возможности искупить перед Елизаветой свою вину.

— Сто дней прошло, я здесь, как и обещала, — продолжила женщина.

— Нет, нет, — зашептал приватир. — Слишком рано, у меня было время!

— Вы были на Гран-Канарии в начале октября, — кивнула Лань. — Твой старший помощник не ошибся. Ошибся ты, глупый маленький Фрэнки. Ты выбрал не тот календарь. Нужно было следить за луной, а не за солнцем. Дикая Охота живет на темной стороне луны, разве ты забыл? Она привязана к концу осени, а не к названиям месяцев.

Глаза адмирала закатились. Его колотила крупная дрожь. Белая гостья сняла с пояса связку звенящих золотых ключей, в другой ее руке возник железный ошейник.

— Чего ты боишься? Лишиться своей драгоценной свободы? Разве ты не служил мне всю свою жизнь?

— Подожди, — прошептал старик, — я хочу сказать тебе...

— Что? — заинтересовалась хозяйка Охоты.

— Ближе... ближе...

Она склонилась над ложем, адмирал рванулся из последних сил и схватил тонкую шею женщины дрожащими руками.

— Не тебе, — глаза Фрэнки сверкнули — испуганный ребенок исчез, его место занял безжалостный Железный Пират. — Не тебе! Я служил своей королеве, от тебя я бежал и прятался.

Его руки сжались, но с тем же успехом он мог пытаться задушить мраморную статую.

— Нельзя убежать от тени Луны, — спокойно возразила золотая лань, ее голос ничуть не изменился. — Все люди, которых ты убил, с утопленных кораблей, из сожженных городов, даже те невольники, что погибли в трюмах — все они капли в твоём подношении на мой алтарь. И ты, маленький Фрэнки, и твоя смертная королева, и другие гончие — все вы служите мне.

— Кто ты? — прошептали сухие дрожащие губы адмирала.

— У меня много имен, но все они означают «белая госпожа». В незапамятные времена я родилась на темной стороне Луны, чтобы собирать предсмертные страдания людей. Меня называют «та, кто охотиться издалека», потому что слезы людей для меня собирают гончие. У каждого века, каждого столетия должен быть свой вестник смерти. Сто королей разлетятся во все стороны света с названного в мою честь острова, чтобы сплести паутину, центром которой станет Вистманский лес. Другие пойдут по вашим стопам. Как и вы, они будут нести из Дартмура смерть. На крови и страданиях людей они возведут в мою честь Империю, равной которой не знает человечество. Настолько громадную, что люди будут считать ее маленькой, настолько безжалостную, что ее назовут мягкой, настолько деспотичную, что ее будут считать свободной. Другие пойдут по вашим стопам, но никогда больше не будет гончих, подобных вам, королям Дикой Охоты.

В этот момент глаза мужчины расширились, он понял.

— Британия! — выдохнул пират и разжал руки.

Страх исчез, адмирал покорно приподнял голову, и женщина-лань защелкнула на его шею тяжелый ошейник. Дверь в каюту распахнулась, и наваждение исчезло. Над умирающим склонился врач, за его спиной толпились офицеры. Адмирал приподнялся, шепнул врачу нужные слова.

— Что он говорит?

— Просит облачить его в полный доспех.

Послышались приглушенные ругательства.

— А гроб?

— Адмирал, ваш приказ о похоронах...

— Что он говорит?

«Теперь это не важно».

Команда все же выполнила последнее желание адмирала. Тело старого пирата одели в доспех и положили в свинцовый гроб. Его утопили на рассвете близ берегов Панамы.

Три дня спустя настал небывалый штиль, а с вечерними сумерками появился пегий конь. Его копыта звенели по гладкой, как зеркало, поверхности воды. Приблизившись к месту, где утонул гроб адмирала, конь остановился. Он терпеливо ждал, пока новый хозяин откроет плотно прибитую крышку, пока он поднимется со дна вместе с горсткой мерцающих пузырей воздуха. Наконец, потревоженная вода отпустила его. Мертвец забрался в седло, перекинул через плечо тяжелый мокрый плащ. Доспех и ошейник сверкнули в холодном свете луны. Он пришпорил коня и поскакал на запад, где догорал кровавый закат.

Так родилась сотая гончая Дартмура. Фрэнсис Дрейк, последний король Дикой Охоты.